

У. Бион ОТЛИЧЕНИЕ ПСИХОТИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ ОТ НЕ-ПСИХОТИЧЕСКИХ

Bion W. R. Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities// The international journal of psycho-analysis. - 1957. - Vol. 38. - P. 266-275.

Статья была прочитана перед Британским психоаналитическим обществом 5 октября 1955 г.

Перевод с английского А. Е. Шуткова, 2006, М. Козлова, 2024

Редакция Михаила Козлова, 2024

ОТЛИЧЕНИЕ ПСИХОТИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ ОТ НЕ-ПСИХОТИЧЕСКИХ

Эта статья о том, что различие психотических и непсихотических личностей зависит от расщепления на мелкие фрагменты всей той части личности, которая связана с осознанием внутренней и внешней реальности, и изгнания полученных фрагментов, которые проникают в объекты или окутывают/поглощают их. Я опишу этот процесс более подробно, а затем расскажу о его последствиях и о том, как они влияют на терапию.

Выводы, к которым я пришел, сделаны на основе аналитического взаимодействия с шизофреническими пациентами и были опробованы на практике. Я прошу обратить на них внимание, потому что достигнутые с этими пациентами улучшения являются аналитически значимыми и их не следует путать с известной психиатрам ремиссией. Эти улучшения соотносятся с предложенными интерпретациями и с соответствующими разделами психоаналитической теории. Я считаю, что наблюдавшиеся мной улучшения заслуживают психоаналитического исследования.

Я попытаюсь прояснить неясность, существующую в анализе психотических пациентов опираясь главным образом на три работы. Поскольку эти работы имеют решающее значение для понимания дальнейшего рассуждения, я напомним вам о них.¹

- Во-первых, я говорю о предложенном З. Фрейдом описании психического аппарата, приводимого в действие требованиями принципа реальности. Особенно это касается той части этого описания, в которой рассматривается сознание, связанное с органами чувств (я упоминал об этом описании в своей статье для лондонского Конгресса в 1953 г.).
- Во-вторых, представления М. Кляйн [5] о бессознательно-фантазийных садистических атаках, которые младенец направляет на грудь в шизоидно-параноидной фазе.
- И в-третьих, ее открытие проективной идентификации [6].

Посредством этого механизма пациент отщепляет часть своей личности и проецирует ее на объект, в котором она утверждается (иногда как наказующая/преследующая) и покидает психику, от которой была отщеплена, тем самым обедняя ее.

Чтобы не создалось впечатление, что я связываю развитие шизофрении лишь с некоторыми механизмами и исключаю личность, которая эти механизмы использует, я перечислю, как мне кажется, предпосылки для механизмов, на которых я хочу сосредоточить ваше внимание. Есть окружение, которое в данный момент я не рассматриваю, и есть личность, которая демонстрирует четыре существенных свойства.

А именно:

- преобладание деструктивных импульсов – настолько сильных, что даже любовный импульс захлестывается ими и превращается в садизм
- ненависть к внутренней и внешней реальности, распространяемая на все, что способствует ее осознанию
- страх полной аннигиляции [6]

1 Здесь и далее форматирование текста выполнено Михаилом Козловым и отличается от оригинального.

- и, наконец, преждевременное и стремительное формирование объектных отношений (из которых самое главное - перенос), интенсивность которых сильно контрастирует со слабостью способности поддерживать эти отношения.

Преждевременность, массивность и хрупкость являются патогностическими признаками и имеют важное следствие (о котором я сегодня не могу сказать ничего) в конфликте (но не в шизофреническом способе его решения) влечений жизни и смерти.

Прежде чем перейти к рассмотрению механизмов, вытекающих из этих свойств, я должен кратко отметить несколько моментов, касающихся переноса. Тип отношений, которые устанавливаются с аналитиком, - это преждевременная, стремительная и интенсивная зависимость. Когда под давлением своих влечений жизни и смерти пациент углубляет контакт, становятся явными два конкурирующих потока явлений.

- Во-первых, расщепление личности и проекция ее фрагментов на аналитика (т. е. проективная идентификация) становятся чрезвычайно активными и вызывают описанные Г. Розенфельдом состояния спутанности [9].
- Во-вторых, ментальная и прочая активность, посредством которой доминирующий импульс (вне зависимости от того связан ли он с влечением жизни или с влечением смерти) стремится выразить себя, сразу подвергается искажению со стороны временно подчиненных импульсов. Обеспокоенный искажениями и стремящийся устранить состояние спутанности пациент возвращается к более ограниченным взаимоотношениям. Колебания между попыткой расширить контакт и ограничить его продолжаются на протяжении всего анализа.

Обратимся теперь к тем свойствам, которые я обозначил как внутренне присущие шизофренической личности. Эти свойства убедительно показывают, что их обладатель проходит шизоидно-параноидный и депрессивный режимы совершенно по-другому, нежели тот, кто этими свойствами не обладает. Отличие заключается в том, что такое сочетание свойств вызывает фрагментацию личности на мельчайшие части, в особенности - фрагментацию аппарата осознания реальности (Фрейд описал этот аппарат как подчиняющийся принципу реальности) и массивную проекцию этих фрагментов личности на объекты внешнего мира.

Некоторые аспекты этой теории я описал в своей статье к Международному Конгрессу в 1953 году [1], когда я говорил о связи между депрессивным режимом и развитием вербального мышления и о важности этой связи в осознании внутренней и внешней реальности. В настоящей статье я говорю о том же, но на более ранней стадии, а именно, на начальном этапе жизни пациента. Я обсуждаю явления, сопровождающие шизоидно-параноидный режим, которые в конечном счете связаны с началом вербального мышления. Я надеюсь теперь удастся выяснить, как это происходит.

Рассмотрим теперь более подробно теории З. Фрейда и М. Кляйн, на которые я ссылался ранее. В своей статье «Потеря реальности при неврозах и психозах» Фрейд так описал одну из отличительных черт неврозов и психозов: «в первом случае Я в силу своей преданности реальности подавляет часть Оно (жизнь влечений), тогда как при психозах то же самое Я, обслуживая Оно, отстраняется от части реальности» [4].

Я полагаю, что когда Фрейд говорит о преданности Я реальности, он говорит о линиях развития (событиях?), закладывающихся при установлении принципа реальности. Он говорил: «новые требования привели к неизбежной адаптации в психическом аппарате, которые мы, ввиду недостаточности знаний, можем разобрать лишь очень поверхностно». Затем он перечисляет:

- все большая значимость обращенных к внешнему миру органов чувств и связанного с ними сознания
- внимание, которое он называет специальной функцией, призванной обследовать внешний мир для того, чтобы его данные могли быть уже знакомы, если возникнет острая внутренняя потребность
- система обозначений, которая выполняет задачу сохранения результатов этой повторяющейся деятельности сознания, описываемая им как часть того, что мы называем памятью
- суждение, которое должно решать, верна или ложна некоторая идея
- использование двигательной разрядки для соответствующего изменения реальности, а не просто для разгрузки психического аппарата от накопленной стимуляции
- и, наконец, мышление, которое по его мнению дает возможность выносить фрустрацию, которая является неизбежным спутником действия в силу такого его качества как способ пробного поведения.

Как будет видно, я значительно расширяю функцию и роль мышления, в то же время я принимаю данную классификацию функций Я (введенную Фрейдом как предположение), поскольку она наполняет конкретным содержанием ту часть личности, которая рассматривается в данной статье. Данная классификация согласуется с клиническим опытом и проясняет события, которые без нее были бы значительно менее ясными.

Для большего согласия с фактами хочу внести во Фрейдовское описание две поправки. Мне не кажется (по крайней мере в отношении тех пациентов, которые встречаются в аналитической практике), что Я когда-либо полностью отделено от реальности. Я бы сказал, что контакт с реальностью маскируется преобладающей (в мыслях и в поведении пациентов) всемогущей бессознательной фантазией, которая стремится разрушить либо реальность, либо ее осознание и достичь состояния, которое не является ни жизнью, ни смертью. Поскольку контакт с реальностью никогда не теряется полностью, явления, которые мы привыкли связывать с неврозами, никуда не исчезают, но лишь усложняют анализ, возникая попутно с психотическим материалом при достижении некоторого прогресса. От факта, что Я сохраняет контакт с реальностью, зависит существование непсихотической личности, параллельной психотической личности, но скрытой ею.

Другая моя поправка касается того, что отрыв от реальности – это иллюзия, а не факт, и возникает она в результате развертывания проективной идентификации, противодействующей работе психического аппарата, описанного Фрейдом. Доминирование этой бессознательной фантазии таково, что она, очевидно, представляется пациенту не фантазией, а реальным фактом. Пациент действует так, как если бы его аппарат восприятия был расколот на мельчайшие фрагменты и спроецирован на его объекты.

С учетом этих поправок мы приходим к выводу, что пациенты, достаточно больные, чтобы быть признанными психотиками, имеют внутри своей психики наряду с не-психотической частью

личности, подверженной различным невротическим механизмам, с которыми психоанализ привык иметь дело, также и психотическую часть личности, которая настолько доминирует, что затмевает непсихотическую часть, с которой она непосредственно соприкасается и которой противодействует.

Одним из сопутствующих факторов ненависти к реальности, отмеченной Фройдом являются психотические фантазии младенца о садистических атаках на грудь, описанные М. Кляйн как часть шизоидно-параноидной фазы [6]. Я хочу подчеркнуть, что на этой стадии психотик расщепляет свои объекты и одновременно всю ту часть своей личности, которая позволила бы ему осознать ненавистную реальность на чрезвычайно мелкие фрагменты. Именно это в значительной степени способствует ощущению психотика, что он не может восстановить свои объекты или свое Я. В результате таких расщепляющих атак, с самого начала подвергаются угрозе все те свойства личности, которые однажды должны были бы составить способность интуитивно понимать себя и других. Все описанные Фройдом функции, обеспечивающие на более поздних стадиях ответные реакции развития на принцип реальности, такие как, осознание ощущений, внимание, память, суждение, мышление, в тех зачаточных формах, которыми они могут обладать в начале жизни, натолкиваются на садистическое начало, расщепляющие, выхолащивающие атаки, которые приводят к их мельчайшей фрагментации и последующему изгнанию из личности, чтобы проникнуть в объекты или поглотить/инкапсулировать их. В бессознательной фантазии пациента изгнанные фрагменты Я ведут независимое и неконтролируемое существование, либо содержась во внешних объектах, либо держа их в себе. Они продолжают выполнять свои функции так, как если бы испытание, которому они подверглись, служило лишь увеличению их количества и провоцировало их враждебность к психике, которая их изгнала. В результате, пациент ощущает себя окруженным странными объектами, природу которых я хочу сейчас описать.

Каждый фрагмент ощущается как реальный объект, заключенный в поглотившую ее часть личности. Сущность этого целостного фрагмента будет определяться отчасти свойствами реального объекта, например, граммофона, а отчасти – свойствами той части личности, которая его поглотила. Если часть личности связана с зрением, то играющий граммофон будет восприниматься рассматривающим пациента. Если с слухом, то – слушающим пациента. Объект, сопротивляясь поглощению, так сказать, расширяется, заполняет и берет под контроль поглощающую его часть личности, настолько, что эта часть личности становится вещью. Поскольку пациент зависит от этих фрагментов, используемых им как прототипы идей (позже они должны стать матрицей, из которой возникнут слова) такое заполнение части личности содержащимся, но управляющим объектом вызывает у пациента ощущение, что слова являются именно тем, что они означают, и тем самым создают описанную Х. Сигал путаницу из-за того, что пациент отождествляет, но не символизирует. Тот факт, что пациент использует эти странные объекты для мышления, приводит к новой проблеме. Если принять, что одной из целей пациента при использовании расщепления и проективной идентификации является избавление себя от осознания реальности, то становится ясно, что он мог бы добиться максимального отрыва от реальности с наименьшей затратой усилий, если направил бы свои разрушительные атаки на какую угодно связь, которая соединяет чувственные впечатления с сознанием. В своей статье для Международного конгресса в 1953 году [1] я показал, что осознание психической

реальности связано с развитием способности к вербальному мышлению, основа которой связана с депрессивным режимом. Здесь я не буду об этом распространяться. Я отошлю вас к работе М. Кляйн «О важности формирования символа в развитии Я» [7], а также к статье Х. Сигал, подготовленной для Британского психоаналитического общества [11]. В своей статье Х. Сигал показывает важность формирования символа и раскрывает его связь с вербальным мышлением и компенсирующими/репаративными влечениями, которые обычно относятся к депрессивному режиму. Я рассмотрел более раннюю стадию того же процесса. По моему мнению, вред, который становится более очевидным в депрессивном режиме, фактически зародился в шизоидно-параноидной фазе, когда уже должна была быть заложена основа примитивного мышления, но этого не произошло из-за чрезмерной активности расщепления и проективной идентификации.

3. Фрейд наделял мышление функцией средства сдерживания действия. Но затем он сказал, что «вероятно, вначале мышление было бессознательным, в той мере в какой оно поднималось над воображением и обращалось к отношениям между представлениями об объектах, и что оно было наделено дополнительными свойствами, которые могли быть восприняты сознанием только в связи с мнемическими следами слов» [2]. Мой опыт привел меня к предположению, что на начальном этапе существует некое мышление, связанное, скорее, со знаками и зрением, нежели со словами и слухом. Этот вид мышления определяется способностью к сбалансированной интроекции и проекции объектов, и в еще большей мере - к их осознанию. Сказанное относится к свойствам не-психотической части личности, отчасти в силу расщепления и изгнания уже описанного мной аппарата осознания, отчасти же по причине, к рассмотрению которой я сейчас перейду.

В результате действий не-психотической части личности, пациент осознает, что интроекция ведет к формированию бессознательного мышления, о котором Фрейд говорил как о «обращенной к отношениям между представлениями об объектах». Теперь я считаю, что именно это мышление, которое Фрейд описывал как обращенное к отношениям между объектными представлениями, ответственно за «сознание, связанное с чувственными впечатлениями». Меня укрепляет в таком мнении его утверждение, сделанное двенадцать лет спустя в статье «Я и Оно». В этой статье он говорит, что вопрос «Как нечто становится сознательным?» можно сформулировать более корректно: «Как нечто становится предсознательным?». Ответ может быть таким: «Посредством связывания предмета с относящимися к нему словесными образами» [3].

В своей статье 1953 года я говорил, что вербальное мышление тесно связано с осознанием психической реальности [1]. Я считаю это верным также и для раннего до-вербального мышления, о котором я сейчас веду речь. В свете того, что я уже сказал об атаках психотического пациента на сам психический аппарат, обеспечивающий осознание внешней и внутренней реальности, следует ожидать, что развертывание проективной идентификации будет особенно интенсивным в отношении мышления (какого угодно), обращенного к отношениям между представлениями об объектах. Если бы эту связь можно было разорвать (или, еще лучше, никогда не создавать), тогда, по крайней мере, сознание реальности было бы уничтожено, хотя сама реальность осталась бы нетронутой. Однако, фактически разрушительная работа уже

наполовину сделана. Материал, на основе которого строится мышление (в непсихотической части - посредством сбалансированной интроекции и проекции), недоступен психотической части личности, потому что замещение проекции и интроекции на проективную идентификацию оставляет лишь странные объекты, о которых я говорил.

На самом деле, примитивное мышление подвергается нападкам не только потому, что оно связывает чувственные впечатления реальности с сознанием, но и из-за чрезмерной наделенности психотика деструктивностью. Процессы расщепления распространяются на связи внутри самих процессов мышления. Аналогично тому, как Фройд считал, что мышление обращено к отношениям между впечатлениями от объектов, данная примитивная матрица знаков, на которой строится мышление, содержит в себе связи знаков друг с другом. Все они атакуются до тех пор, пока, наконец, не останется и двух объектов, сохраняющих присущие каждому из них качества нетронутыми. Объектов, которые можно было бы объединить и посредством такого соединения создать новый мысленный объект. Следовательно становится затруднительным формирование символов, которые терапевтически влияют на способность соотносить два объекта так, чтобы делая явными их сходства, при этом не теряя существующие между ними различия. На еще более поздней стадии результат таких расщепляющих атак проявляет себя в отказе от членораздельной речи (артикуляции) как от принципа сочетания слов. Последнее не означает, что объекты не могут сопоставляться. Позже, говоря об агломерации, я покажу, что это ни в коем случае не так. Далее, поскольку то-что-связывает не только фрагментируется, но также проецируется на объекты для соединения с другими странными объектами, пациент чувствует себя окруженным мельчайшими связями, которые, будучи пропитаны жестокостью, безжалостно связывают объекты друг с другом.

Завершая свое описание фрагментации Я и его изгнания фрагментов в объекты и поглощение ими объектов, я должен сказать, что описанные процессы важны в той мере, в какой их удастся выделить без искажений как фактор при различении психотической и не-психотической частей личности. Это происходит в самом начале жизни пациента: садистские атаки на Я и матрицу мышления вместе с проективной идентификацией фрагментов делают очевидным, что с этого момента происходит постоянно расширяющееся расхождение между психотической и непсихотической частями личности пока, наконец, пропасть между ними не станет непреодолимой.

Для пациента это означает, что он живет теперь не в мире сновидений, а в мире объектов, являющихся декорациями сновидений. Его чувственные впечатления являются изувеченными, как если бы они подверглись нападению, подобно тому, как в садистических фантазиях младенца ощущается атакованной грудь[5]. Войдя в такое состояние сознания, пациент ощущает себя лишенным свободы и неспособным выйти из этого состояния. Он чувствует, что ему не достает аппарата осознания реальности, который одновременно является и ключом к свободе и той самой свободой, на которую он мог бы вырваться. Ощущение несвободы усиливается угрозой присутствием изгнанных фрагментов, в движение которых вовлечен пациент. Эти объекты, примитивные, но тем не менее сложные, обладают качествами, которые у непсихотической личности свойственны материи, анальным объектам, чувствам, идеям и Сверх-Я.

Разнообразие таких объектов, зависящее от смысла, которым они наполнены, не позволяет дать большее, чем приведенное мной краткое описание их происхождения. Взаимодействие этих объектов с материалом для идеографического мышления приводит пациента к смешению реальных объектов с примитивными представлениями и, следовательно, к путанице, когда они подчиняются законам природы, а не законам психического функционирования. Желая вернуть эти объекты в попытке восстановить Я, пациент, побуждаемый анализом к этим попыткам, должен воскрешать их посредством обратной проективной идентификации, следуя тем же путем, каким они были изгнаны из психики.